

Натэла Башинджаган

ЧЕТЫРЕ ВОПРОСА И ЧЕТЫРЕ ОТВЕТА ЕЖИ ГРОТОВСКОГО

Ежи Гротовский. Имя, не менее прославленное, чем имена Станиславского, Крэга, Мейерхольда, Арто или Антонена, в одном ряду с которыми его ставят. И едва ли не самое таинственное. "Кто он, этот великий поляк? - как, в броском заголовке, спрашивает себя и читателей популярная еженедельная газета российской художественной интеллигенции "Экран и сцена". "Режиссер? Теоретик? Реформатор театра? Экспериментатор? Маг и волшебник? Святой? Мистик?" - вот какие вопросы вынесены на обложку сборника статей об этом выдающемся человеке, изданного под названием "Театр Гротовского" семь лет назад в Москве.

Но может быть такое множество чуть ли не сенсационных вопросов, и до сегодняшнего дня клубящихся вокруг имени Гротовского, связано с тем что его уникальную деятельность трудно вкратце реферировать? И уж совсем, пожалуй, не следовало бы "популяризировать" Гротовского. "Таких, как он, не может быть много - пишет критик Роман Должанский на страницах газеты "Коммерсантъ". Собственно говоря, таких людей не должно быть больше одного на весь театральный мир", - совершенно справедливо заключает он.

Вместе с тем, существуют такие объективные факты биографии и такие периоды работы Гротовского, которые зафиксированы, задокументированы и, если угодно, закаталогизированы исследователями. Стоит их припомнить.

Гротовский родился в 1933 году. В 1950-м он уже студент краковской Высшей театральной школы; в 1954-м проходит стажировку в Москве, где изучает по источникам глубоко заинтересовавшего его Станиславского. С 1959 года в течение пяти лет руководит маленьким студийным "Театром 13 рядов" в небольшом городке на западных землях, а с 1965 года начинает работу вместе с небольшой группой актеров в организованном им Театре-Лаборатории, проводя занятия и показывая спектакли в пространстве "театра одной комнаты". Театр-Лаборатория вскоре становится известным в Европе, потом в Америке, потом, что называется, по всему свету.

Три великих спектакля Гротовского "Акрополь", "Стойкий принц" и "Apocalypsis cum figuris", воплощенные его "небывалыми" актерами и принесшие ему всемирную славу, потрясли зрителей невиданной интенсивностью и исповедальной глубиной актерского существования (но не "игры") в спектакле, который, в свою очередь, происходил перед лицом зрителя- свидетеля как событие (но не как зрелище для публики).

"Почти с самого начала Гротовский признал актера важнейшей фигурой в искусстве театра. Актера видимого, формируемого, осмелюсь сказать - творимого и преобразуемого режиссером-творцом спектакля. Но также актера-жертвенника, отдающего себя - всего себя, целиком, без остатка - зрителю, /.../ и в этом выйдя из пределов "театра одной комнаты" и, уйдя вместе со своими актерами и зрителями-участниками в мир открытых просторов природы. Потом наступили несколько лет странствований и странничества по свету (Гаити, Нигерия, Мексика, Индия, "забытая глубинка" Польши) в поисках Театра Истоков. С 1986 года он обосновался в Италии, где недалеко от Флоренции открыл свой Рабочий Центр (Мастерскую). Но на всех этапах работы и в самых разных условиях загадка человека остается для него главным притягательным магнитом, сосредотачивая и себе все направления его исследовательских интересов.

Еще одна цитата, которой позволю себе подкрепить краткое введение, предваряющее знакомство читателя с публикуемым выступлением Гротовского, подтверждает эту мысль. "По моему мнению - говорит великий режиссер современности Питер Брук - наибольший вклад Гротовского в развитие театра заключается в необычном соединении духовности с научной точкой зрения". Добавим: научными аспектами постижении объективной и субъективной природы действующего актера и действующего человека. "Он сам себя считал идеалистом, - продолжает Брук. Но с другой стороны,

то значение, которое он придает исполнению действия на уровне профессиональной точности и предельной выверенности во всех деталях, позволяет назвать Гротовского "научным идеалистом".

В 1991 году Гротовскому присуждается звание Доктора Honoris Causa Вроцлавского университета (до этого он уже получил подобные звания Питтсбургского, Чикагского, Калифорнийского университетов, а в 1997 г. -старейшего в Европе Болонского университета).

Он приезжает на несколько дней во Вроцлав и в своей полагающейся в таких случаях речи лауреата говорит о многих интересных и важных вещах, связанных с разными аспектами его многолетней работы (1).

То, что едва ли следует подражать Гротовскому, замечено было давно. Сам он, никак не ценя ни в искусстве, ни в науке "подражания", высоко ставит способность продолжения. Гротовского надо смотреть (и видеть), слушать (и слышать). И, вслушиваясь, читать. Четыре обширных цитаты из Выступления 1991 года позволяют читателю услышать его голос. В них нет каких-либо философских сложностей. Но есть некоторые важные сведения о начале пути, о занятиях последних лет в Мастерской в Италии, и есть - может быть, особенно удивительная для того, кого не без основания называют "Отшельником из Понтедеры", чисто человеческая тревога о судьбах искусства, теряющего в условиях нарастающей коммерциализации, а говоря попросту "купли-продажи", многие, некогда неприкосновенные гуманистические ценности.

Примечания:

(1) Полностью вроцлавское «Выступление» 1991 года впервые опубликовано на русском языке (под заглавием «Симптомы мастерства», данным редакцией) в книге «Режиссёрский театр от Б до Ю. Разговоры под занавес века», изданной Московским художественным театром (Москва, 1999).

<http://www.novpol.ru/index.php?id=143>